
Н. И. БЕРЕСНЕВА

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМА БЕСКОНЕЧНОСТИ

Язык и реальность

Проблема «Язык и реальность» – это часть более обширной проблемы «Человек и мир». Она приобретает все большую актуальность, по мере того как вместо наивного представления о непосредственной данности мира человеку (через органы чувств) утверждается мысль о мире, данном посредством языка, влияющего не только на процессы и результаты его познания, но и на человеческие поступки. В XX в. этот аспект отношений человека и мира становится предметом особого внимания не только лингвистов, но и философов.

Сепаратизация и герметизация языка, свойственная для большинства лингвистических структуралистских течений XX в., позволившая разработать более или менее строгую систему понятий и исследовательских приемов, привела, однако, к усилению тенденции лингвистического имманентизма. В последней преобладала явная недооценка функциональной сущности языка, что приводило к разрыву его естественных связей с объективной и субъективной реальностью. Такой подход не приближал к объяснению истинной природы языка, уникальности его как особой знаковой системы, выражающейся в его универсальных возможностях репрезентации и в том числе в его способности схватывать бесконечность.

Неудачная попытка структуралистов вскрыть сущность языка, взятого «в себе и для себя»¹, приведшая, помимо прочего, к его де-субстанциализации², к сведению его к системе отношений, заста-

---

¹ Конечно, в языке есть имманентно-языковой пласт. В этой связи Э. Р. Атаян пишет: «**Весь** язык имманентен как «только» язык-структура. Но и **весь** трансцендентен как **функция**». (Атаян, Э. Р. Язык и внеязыковая действительность. Опыт онтологического сравнения. – Ереван, 1987. – С. 304.)

² По сути, была поставлена под вопрос реальность самого языка (идея языка как конструкта С. К. Шаумяна). Ситуация, в определенном смысле аналогичная представлениям о физической реальности (как конструкте) в квантовой механике.

вила ученых изменить исследовательские установки в направлении «восстановления» разорванных связей³. Однако этот процесс имеет незавершенный характер. «Суеверная боязнь имманентизма» оказалась недостаточной, чтобы преодолеть «боязнь трансцендентности»⁴. Подобная теоретическая неопределенность плюс эпистемологический эклектизм усугубляют и без того сложную ситуацию в лингвистических науках, связанную с огромным количеством публикаций, посвященных языку.

Позже постструктуралистская практика декомпозиции текста, игры с означаемым «в прятки», когда идет бесконечная отсылка одного означающего к другому, в своих предельных вариантах приводит не только к разрушению текста (языка), но и к разрушению сознания как отражения объективного мира.

Не приближают к решению вопроса о роли языка в познании бесконечной реальности и представления о языке как феномене, который определяет мышление, влияет на результаты познания человеком мира, свойственные для ряда течений неогумбольдтианства (Б. Л. Уорф, Л. Вайсгербер и др.) и аналитической философии (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Дж. Остин, Дж. Серл и др.). В таком подходе к языку проявляется родственность неогумбольдтианских и неопозитивистских установок. В своих крайних выражениях язык предстает единственной реальностью (в отличие от десубстанциализационных установок некоторых структуралистов, в которых реальность языка подвергается сомнению), данной человеку, своеобразным демидургом, навязывающим ту или иную картину мира.

Не преодолевает «забвения» бытия и экзистенциализм М. Хайдеггера, поскольку язык не выходит к реальности. Мистификация языка как мудрого хранителя ключевых человеческих экзистенций не позволяет обратиться к языку как к универсальному средству, условию, фактору адекватного отражения объективного мира (то есть не позволяет обратиться к самому бесконечному миру вне ко-

---

³ «Программными для современной лингвистики становятся положения о том, что ключом к познанию языка является изучение языка в действии», – пишут Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный (Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., 1991. – С. 4).

⁴ Серебренников, Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М., 1983. – С. 52–53.

нечности «языкового дома») и тем самым показать его действительную (а не мистическую) силу и способность. Это касается философской герменевтики (Г.-Г. Гадамер) и феноменологии Э. Гуссерля, выносившего мир «за скобки», чтобы последовательно выделить сознание как чистую субъективность в качестве единственного объекта анализа⁵, в отличие, например, от Л. Витгенштейна, впадавшего в другую крайность и выдвигавшего в качестве предмета анализа вербализованный интеллект.

Отечественные исследователи, опиравшиеся в «борьбе за реальность» на мощные национальные традиции, осуществляли критический пересмотр проблем, поставленных в западных учениях, с позиций научной философии (учение В. фон Гумбольдта – В. И. Поставалова, Г. В. Рамишвили; неогумбольдтианство – С. А. Васильев; неопозитивизм – М. С. Козлова, Г. А. Брутян, А. Ф. Грязнов; структурализм – М. Н. Грецкий, И. П. Ильин, Г. К. Косиков и др.). Содержательный пафос этих трудов направляется, главным образом, на «возвращение» языка к реальности объективной и субъективной, «восстановление» его действительных естественных связей, на развенчание представлений о языке как некоей мистической силе, вызывающей человеку определенную картину мира⁶.

При этом в отечественных исследованиях отмечается, что человеческое познание не пассивно, не зеркально, оно субъективно, в том смысле, что это познание человеческое. Признавая разнообразие сегментации, расчленения мира в разных языках, исследователи настаивают, что это исходит не от суверенной активности языка, а является результатом конкретно-исторического опыта освоения мира тем или иным народом. Этот опыт запечатлевается во всем строе языка, в его грамматических и лексических формах. И в этом своем состоянии язык выступает в качестве своеобразной «пред-

---

⁵ По этой причине долгое время усилия отечественных исследователей языка, защищавших принципы диалектического материализма, были направлены на опровержение аргументов сторонников «лингвистического» агностицизма.

⁶ Тенденция к мистификации истинных источников развития языка и действительных оснований его универсальных возможностей просматривается и в современных отечественных концепциях. В частности, эта тенденция просматривается в синергетическом подходе, относящем язык к классу саморегулирующихся сложных динамических систем. Не субъект с помощью слов мыслит, а язык в своем самодвижении использует субъекта в качестве средства для производства события мысли (см.: Тищенко, П. Д. Аналитика научного дискурса // http://sky.kuban.ru/socio_etno/iphrRAS/mifs?Tisch1/htm).

науки», систематизирующей мир, и определенным образом влияет на восприятие мира и на дальнейший ход познания. Однако первичной является схематика и система самого мира, которые и отражаются мышлением («языко-мышлением». – Г. В. Колшанский) в процессе совместной предметно-практической деятельности людей⁷.

Отечественные исследователи (С. А. Васильев, Г. В. Колшанский, В. З. Панфилов и др.) настаивают на общечеловеческом характере мышления, на наличии общего для всех людей логического строя, который отражает логику мира, опыт его освоения. В этой связи язык является вторичным по отношению к мышлению, непосредственности мысли, которая отражает мир.

Однако критическая установка отечественной науки, несмотря на эвристичность ее методологической базы, предполагает определенный аспект, угол зрения и оставляет в тени другие стороны объектов критики. На наш взгляд, следует подчеркнуть, что структурные исследования (Ф. де Соссюр, а особенно генеративная грамматика Н. Хомского и др.) вскрывают определенный порядок, стоящий за видимостью бесконечного множества речевых фактов (но этот порядок описывается, а не объясняется). Язык, его структура и система, восстанавливаемые за речевыми проявлениями, предстают как относительно простой, организованный, устойчивый, упорядоченный механизм, передаваемый из поколения в поколение, как потенциальная возможность существования неисчерпаемого количества конкретных речевых фактов. Однако так понимаемая неисчерпаемость языка (речи) оказывается «беспомощной» перед лицом неисчерпаемости бесконечного мира.

Особо следует отметить дискуссии о знаковости языка, о соотношении знака и значения (Р. А. Будагов, В. А. Звегинцев, И. С. Нарский, В. З. Панфилов, Б. А. Серебренников и др.). В ходе этих дискуссий все с большей отчетливостью «вызревала» мысль о невозможности редукции языка к знаковым системам (поскольку это приводит к знаковому агностицизму), о двухприродной сущности (в отличие от знака вообще) языкового знака (слова) как единства звучания и значения (единства материального и идеального), о не-

---

⁷ Последнее обстоятельство обычно элиминируется в западных исследованиях сознания и языка.

тождественности понятийного и семантического отношения к реальности.

Семиотический подход к языку доказал свое право на существование, поскольку значительно расширил угол зрения и поле исследований. Особенно когда речь идет о свойстве «языковости»-знаковости, которое, подобно отражению, заложено в самой природе материального мира (Э. Р. Атаян). В качестве основы, фона и генетического источника «языковости» выдвигается проявление сущности в явлении. Здесь подчеркивается родственность, сопрягаемость языка и остального мира.

Идея редукции языка к знаку нашла «неожиданные» аргументы «за» в оригинальном исследовании Б. Ф. Поршнева, который определял семиотику в строгом смысле только как науку о человеческих знаках, а появление человека как *homo sapiens* (с его способностью к целенаправленной трудовой деятельности) связывал с этим аспектом языка. Поэтому в известном смысле можно сказать, что язык создал человека⁸. По сути, это одна из первых попыток конкретного обоснования идеи языка как сущностной силы человека.

В отечественных исследованиях доминирует подход к языку, опирающийся на известные положения классиков о том, что язык есть практическое, действительное сознание. На первый план при таком подходе выдвигается проблема языка и мышления, языка и общества; в такой трактовке происходит возвращение к реальности через соединение (но не отождествление) языка и мышления (язык не был бы практическим действительным сознанием, если бы он был отлучен от семантики, отражения, то есть от реальности. (Р. А. Будагов).

В отличие от проблемы «язык и мышление» проблема «язык и реальность» многим исследователям языка казалась бесспорной. Однако в осмыслении этой проблемы возможны два «движения»: от языка к реальности (влияние языка на восприятие и осознание действительности) и от реальности к языку. Первое осуществляется в современной отечественной психолингвистике (особо актуально исследование языковых ассоциаций, влияние особенностей ассо-

---

⁸ Эта формула, однако, не отменяет, а углубляет, конкретизирует известную формулу Ф. Энгельса о роли труда в происхождении человека, поскольку целенаправленная трудовая деятельность возможна только при условии наличия языка.

цирования на восприятие мира – исследования Т. В. Ахутиной, Т. И. Доценко, А. А. Залевской, Н. О. Золотовой, Ю. Д. Караулова, А. П. Клименко, И. Г. Овчинниковой, Т. М. Рогожниковой, Л. В. Сахарного, Н. В. Уфимцевой, Р. М. Фрумкиной и др.).

Во втором (от реальности к языку) – следует подчеркнуть две особенности. Реальность, во-первых, берется, как правило, в суженном значении – не глобально, не как мир в целом в его сущностных свойствах, а преимущественно как общественно-историческая реальность и ее отражение в языке (Р. А. Будагов, В. З. Панфилов, Б. А. Серебрянников и др.). Во-вторых, отражение реальности предстает не непосредственно, а через мышление, через осознание процессов, происходящих в обществе.

Связь языка и мышления (в отличие от языка и реальности) в силу ее очевидности признают представители самых разных направлений. Менее очевиден характер этой связи, поскольку соединение языка и мышления (сознания) происходит в глубинах человеческой ментальности.

Мысль о сращенности человеческой психики с семиотическим (языковым) опосредованием, утвердившаяся в отечественной науке, находит все новые подтверждения⁹.

Известная активность языка, проявляющаяся в его влиянии на процесс познания, подтверждает мысль о сложности процесса познания, высказанную научной философией. Поэтому стремление «выпрямить», упростить этот процесс оказывается только на руку критикам теории отражения. Такими упрощениями оказываются некоторые «буквальные» трактовки высказывания К. Маркса о языке как действительном сознании в ряде философских работ, посвященных человеку, сознанию. Мышление, сознание, познание – бесплотны, и только их соединение с «материей языка» придает им «реальность» (Н. И. Жуков, П. В. Копнин, А. Г. Спиркин, Е. В. Шорохова). То есть получается, что мысль вначале возникает, а затем

---

⁹ В этой связи следует назвать идеи И. М. Сеченова о связи торможения и сознания, И. П. Павлова о специфике второй сигнальной системы, теорию внутренней речи и концепцию формирования высших психических функций Л. С. Выготского, теорию тормозной доминанты Б. Ф. Поршнева, идеи Ю. М. Лотмана («Культура и взрыв») и др. Мысль о языке как сущностной силе, можно сказать, просто витала в воздухе и требовала теоретического оформления.

уже облачается в языковую форму, язык трактуется как сугубо материальный феномен.

Упрощенный, вернее, односторонний подход к связи языка и мышления, просматриваемый в вышеназванных теоретических конструкциях, на наш взгляд, делает невозможным адекватное решение вопроса о способности конечного языка выражать результаты познания бесконечной реальности. Сама способность воплощать результаты такого познания заложена в изначальной сцепленности языка с мышлением.

Подобные представления, во-первых, нарушают прочную традицию, берущую начало еще в античной философии, о единстве языка, мысли и реальности: язык устроен так же, как мысль, которая, в свою очередь, устроена так же, как бытие (и потому изучение структуры языка позволяло вскрывать структуру мысли и бытия). Во-вторых, противоречат научным фактам, свидетельствующим о более глубокой и сложной взаимосвязи, изначальной сцепленности языка и мышления (и генетически, и функционально)¹⁰. В-третьих, дают повод для резкой критики теории отражения, не отягощенной фактором языка, как наивной. В-четвертых, свидетельствуют о недостаточном внимании философии к современным достижениям конкретных наук о языке (в частности, отечественных).

Между тем в последние годы в отечественных и зарубежных лингвистических исследованиях происходит смена научной парадигмы. Сущность языка, направленного вовне в своих главных функциях, настоятельно требует синтеза знаний. Именно на границах наук происходят наиболее существенные подвижки в исследованиях языка. Необходимость синтеза лингвистики со смежными научными отраслями была осознана рядом исследователей психолингвистического, когнитивистского направления, которые обратились к разработке конкретных моделей речемыслительных процессов (Е. Галантер, Д. С. Деннет, П. Н. Джонсон-Лэард, Б. Лакс, Э. Леннеберг, П. Линдсей, Дж. Миллер, Д. Норман, К. Прибрам, Д. Слобин, А. Ченки, Т. В. Ахутина, А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, Д. О. Добровольский, А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова,

---

¹⁰ В этой связи вернее было бы сказать, что «мысль не только выражается, но и совершается в слове» (Л. С. Выготский), или язык есть «орган, образующий мысль» (В. фон Гумбольдт).

А. А. Леонтьев, Л. Г. Лузина, Е. В. Лукашевич, Ю. Г. Панкрац, П. Б. Паршин, В. А. Пищальникова, Е. В. Рахилина и др.). Крепнущий союз психологии и лингвистики, соединяющий язык с психикой и человека с языком, завершается формированием когнитивистики, окончательно сместившей исследования к субъекту как активному началу речевой и когнитивной деятельности.

Признание семантики в качестве определяющей силы, составляющей одну из главных признаков новой парадигмы изучения языка, объединяет зарубежную и отечественную когнитивистику¹¹. Соединение мысли и слова начинается задолго до порождения речи: при восприятии и практическом освоении предметного мира, его отдельных сторон и фрагментов (В. А. Звегинцев, У. Л. Чейф). Дискретизация, интерпретация и объективация знаний происходят в процессе восприятия (на базе языка) и влияют на процесс порождения речи. Остается показать, как соотносятся названные выше процессы (дискретизация, интерпретация и объективация знаний) с устройством и структурой объективного мира, с процессом его освоения в предметно-практической деятельности. Для этого недостаточно простого расширения поля исследования, как это делается в семиотике, которая подводит под язык знаковость мира (Э. Р. Атаян). Недостаточен и тот синтез, который совершается в когнитивистике¹². Необходимо движение со стороны философии, поскольку этот синтез может быть только философским. Однако «борьба» за реальность в отечественной философии языка затянулась, отодвигая процесс осуществления такого философского синтеза.

Язык и бесконечность

Между тем серьезное продвижение науки вширь и вглубь поставило в полный рост проблему, обозначенную, но не заостренную И. Кантом, – способен ли конечный человек, обладающий конечным (всегда ограниченным) опытом, не только адекватно отра-

---

¹¹ Имеющие, однако, разные истоки: западная традиция – от Н. Хомского, отечественная – от Л. С. Выготского.

¹² Мысль о необходимости исследования структуры мира, без которой когнитивистским схемам недостает реальности, была высказана Э. Рош. По существу, это мысль о необходимости философского синтеза. Однако она не была высказана с достаточной отчетливостью и доказательностью в том смысле и в том контексте, что всякая мысль и тем более когнитивистские модели должны быть испытаны на их отношение к объективной реальности (см.: Rosch, E. Principles of categorization // Cognition and categorization. N. Y., 1987).

жать отдельные стороны и фрагменты мира, но и схватить его сущность. Это, по сути, одна из центральных в философии XX–XXI вв. проблем, получившая наиболее отчетливое выражение в дискуссии по поводу конечности/бесконечности мира и возможности его познания, развернувшейся в 1960–1980-х гг. (наиболее активными участниками стали Л. Б. Баженов, В. В. Казютинский, А. С. Кармин, Э. Кольман, А. М. Мостепаненко, Г. И. Наан, Н. Н. Нуцубидзе, В. В. Орлов, В. И. Свидерский, Э. М. Чудинов и др.).

Исходя из конечности человека (человеческого опыта), столкнувшегося с мощью бесконечного мира, ряд представителей так называемого «гносеологического направления» в отечественной философии (Л. Б. Баженов, Б. М. Кедров, Э. Кольман, Г. И. Наан, Э. М. Чудинов и др.) пришли к «нетрадиционному» выводу о том, что философское знание – это знание конечной части мира (знание о конечном), поэтому основные положения философии – это постулаты (аксиомы, гипотезы), которые «экстраполируются» на бесконечный мир, но никогда не смогут быть ни доказаны, ни опровергнуты. Впервые об этом заявили Э. М. Чудинов, Э. Кольман в 1965 г. Позже положения о постулативности философских категорий с разной степенью определенности и последовательности были представлены и другими, помимо названных выше, авторами в сборнике «Бесконечность и Вселенная»¹³ и в других публикациях.

По сути, в дискуссии был заострен вопрос о соотношении части и целого, о правомерности переноса индуктивных заключений от частного к общему, то есть о возможности универсальных обобщений о бесконечном мире на основе исследования его конечной части. Этот вопрос, как оказалось, имеет серьезное значение не только для философии, но и для существования частных наук. Из исходной посылки о бесконечности мира и конечности человеческого опыта следует делать более сильный вывод: все философские заключения о мире являются заведомо ложными, потому что бесконечное всегда бесконечно сложнее конечного. Но непознаваемость бесконечного (целого) влечет за собой признание непознаваемости и конечного (части) – разрушение основания частного знания, а значит, всего здания человеческого познания.

---

¹³ Бесконечность и Вселенная. – М.: Мысль, 1969.

В дискуссии 1960–1980-х гг. тема языка напрямую не затрагивается, однако выводы, сделанные «постулативистами», помимо прочего, представляют радикальную ревизию и принципиальных положений о языке, его сущности, его роли для человека и общества, содержащиеся в научной философии. В идее постулативности философских категорий просматривается мысль о невозможности доказательства определенности, познания общего в мире, а значит, единства бесконечного многообразного мира.

Однако в так понимаемом мире, в котором невозможна закономерность, может царить только хаос. В хаосе был бы невозможен язык, который бы позволил сделать заключение о хаосе, если это не язык химер и фантомов. Получается, что язык – это в лучшем случае послушное орудие создания пустых абстракций, он способен закреплять только химеры и фантомы, а не общее, содержащееся в окружающем мире. Это положение идет вразрез с принципами научной философии.

В связи с этим необходимы дополнительные доводы не просто за возвращение языка к реальности, а к *реальности бесконечной*. На наш взгляд, проблема «язык и реальность» должна быть повернута новой стороной, а именно: способен ли человеческий язык (который, несмотря на претензии к нему со стороны отдельных ученых, обвинявших его в недостатке жесткости в конструкциях, в его излишней гибкости, текучести, многозначности, аморфности¹⁴, исправно служит человеку в своих главных функциях, прежде всего, как средство познания) быть надежной опорой на пути восхождения от единичного ко всеобщему, от бесконечного мира конкретных предметов, вещей к познанию мира как целого, Универсума, то есть быть не препятствием, преградой, а средством, орудием познания бесконечности, его главным фактором. По существу, следует теоретически обосновать то, что язык на практике, фактически уже делает, поскольку является условием существования не только частных наук, но и философского дискурса о бесконечности мира; то есть следует показать, что еще до теоретического дискурса о

---

¹⁴ В отличие от поэтов, которые, напротив, испытывали «муки слова», досаду на его недостаточную гибкость и текучесть в выражении всех тонкостей, всего богатства внутреннего мира. «Мысль изреченная есть ложь», – таков печальный приговор Ф. И. Тютчева, который, так или иначе, поддержали бы многие его соратники по перу.

бесконечности язык своими формами уже *выводит человека на бесконечность*.

В философии же споры о возможностях интеллекта схватить сущность бесконечного мира оставляют в стороне сам язык, на котором они и ведутся. Более того, даже в обобщающих работах о сущности человека, сознания нет упоминания языка и других знаковых систем как важнейшей (сущностной) характеристики человека¹⁵. Однако положительное решение фундаментального философского вопроса о том, *как возможно познание бесконечного мира конечным человеком*, имплицитно включает и решение вопроса о роли и месте «конечного» языка в этом процессе, раскрытие его универсальных возможностей. Но решение этого вопроса кроется как раз в особенностях сущностных сил человека, среди которых следует назвать и языковую.

Поэтому необходимы постановка проблемы конечности/бесконечности применительно к языку аналогично тому, как она поставлена в научной философии, и поиск путей ее решения.

В этой связи следует обратиться к современной форме научной философии, концепции единого закономерного мирового процесса (ЕЗМП), указавшей пути и средства выхода из «кризиса бесконечности» (В. В. Орлов и его школа – О. А. Барг, Т. С. Васильева, А. Н. Коблов, И. С. Утробин и др.), к обстоятельствам ее формирования.

Для решения проблемы познаваемости бесконечного мира конечным человеком, вопреки скептическим высказываниям «нетрадиционалистов», потребовался обстоятельный анализ наработанного в этом направлении историей философии. Принцип познаваемости, утверждаемый научной философией, включал в себя в концентрированном виде и идею познаваемости *бесконечного* мира. Однако утверждение Ф. Энгельса о конечном, которое дает в сумме бесконечное, а также ленинская идея движения к абсолютной истине, которая складывается из суммы бесконечных относительных истин, оставляют без ответа вопрос о возможности познания сущности мира как целого.

---

¹⁵ Портнов, А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. – Иваново, 1994. – С. 10.

Прежде чем решать вопрос о сущности мира, следует предварительно ответить на вопрос: а имеет ли мир такую сущность? За ответом потребовалось еще раз обратиться к Г. В. Ф. Гегелю. Было, в частности, показано, что глубокая критика дурной бесконечности не была доведена Гегелем до парадокса чистой бесконечности, которая в своем абсолютном отрицании (отрицании всякой определенности) тем самым отрицает и саму себя как определенность¹⁶. Поэтому реальная бесконечность должна быть бесконечностью чего-то, что должно отображаться более широким и последним объяснительным понятием философии.

Однако по-прежнему остается нерешенным вопрос – как обнаружить общий, постоянный признак в бесконечном мире конечному человеку?

Было сделано предположение, что познавать бесконечное можно путем познания конечного, через которое бесконечное себя проявляет. Во-первых, ни в одной конкретной науке не изучаются все относящиеся к области исследования объекты. Во-вторых, опыт познания мира говорит о том, что любое явление эффективно познавать тогда, когда оно выступает в своем наиболее развитом – репрезентативном виде: «...все сколько-нибудь серьезные научные обобщения делаются не на основе *полной индукции*, когда рассматривается вся совокупность явлений изучаемой области, то есть не на основе *генеральной совокупности* фактов, а на базе выборочной совокупности фактов при условии ее *репрезентативности*. Совокупность фактов (выборочная) является репрезентативной, если в ней со всей определенностью выражены свойства и закономерности исследуемой области действительности»¹⁷, «репрезентативными для бесконечного мира должны быть *области наивысшего развития*, в которых сущность мира *выражена*, становится прозрачной»¹⁸. В концепции ЕЗМП доказывается, что та область мира, в которой представлены все формы материи, включая социальную (человек – «высший цвет материи»), является репрезентативной.

---

¹⁶ Орлов, В. В. История человеческого интеллекта. Ч. 3: Современный интеллект. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. – С. 35.

¹⁷ Там же. – С. 37.

¹⁸ Там же. – С. 38.

Проблема бесконечности мира неразрешима в рамках традиционной технологии определения понятий (через род и видовое отличие), поскольку бесконечный мир невозможно отличить от чего-либо другого. Однако ее можно отличить от такой части этого мира, элемента или явления, которая является универсальной противоположностью мира как целого. История науки показывает, что такой универсальной противоположностью мира как целого выступает человеческое сознание. В этой связи следует отметить, что обнаружение способа определения сущности бесконечного мира через отличие, противопоставление сознанию (такому особенному, которое находится в универсальном отношении к общему – бесконечному миру) явилось величайшим открытием научной философии, человеческого интеллекта в целом. Бесконечный мир, таким образом, оказывается материальным.

Постановка проблемы познания мира в XX в. подтвердила правильность того, что два предельно широких понятия философии возможно определить только через противопоставление. Однако в XX в. вопрос о возможности познания трансформируется в более фундаментальный – каким образом конечный человек может познать сущность бесконечного мира, осознать, схватить это интегральное свойство и выразить его в адекватной языковой форме?

С одной стороны, представление о материи как о всеобщей определенности дает возможность поставить на реальную почву вопрос о единстве бесконечного мира, о структуре бесконечности, которая выступает «в трех основных аспектах: как бесконечность *качественного* и *количественного многообразия* материи, бесконечность *пространства* и *времени*, бесконечность *развития* материи»¹⁹. Мир оказывается построенным не по принципу бесконечного множества единичных вещей, а «по принципу классов вещей, или общностей различного порядка», иерархия которых упорядочена основным направлением всех процессов в материальном мире: от низшего к высшему, от простого к сложному²⁰. Мир, построенный таким образом, «снимается» языком, в котором закрепляется иерархия общих понятий, заканчивающаяся всеобщим понятием материи, в соответствующих терминах. Возможность схватывания

¹⁹ Орлов, В. В. Материя, развитие, человек. – С. 58.

²⁰ Там же.

языком бесконечного заключается, таким образом, не в бесконечной номинации конкретных вещей и явлений, а также не в бесконечном обобщении «бесконечного множества всеобщих свойств и законов материи»²¹, а в отражении языко-мышлением иерархии общего в мире, завершающейся всеобщей определенностью.

С другой стороны, в концепции ЕЗМП сделан принципиальный вывод об отсутствии в человеческой природе, в его сущностных силах ограничений, которые были бы препятствием теоретическому усвоению и практическому освоению бесконечности. Этот вывод с необходимостью касается и языка, поскольку язык, как мы считаем, является одной из главных сущностных сил человека.

Если человек, будучи высшей формой развития материи и потому аккумулирующей бесконечный ряд нижележащих форм, находится в универсальном отношении к миру, то и *язык как действительное сознание*, генетически и функционально связанный, сцепленный с ним, являющийся высшей формой, результатом развития «языковости мира» (Э. Р. Атаян), также *изначально* находится в универсальном отношении к миру и способен к бесконечному его отражению.

Язык как сущностная сила человека оказывается соразмерным бесконечному миру и потому способным в тесном единстве языко-мышления адекватно отражать бесконечный мир и схватывать его сущностные свойства. Таким образом, вывод об отсутствии в человеческой природе, в его сущностных силах, ограничений, препятствующих освоению бесконечности, в полной мере относится и к языку.

Ни в одной из наиболее известных концепций вопрос о языке в такой плоскости не только не исследовался, но даже и не ставился.

---

²¹ Мелюхин, С. Т. Проблемы философской теории материи // Философские науки. – 1974. – № 5. – С. 62.